

Резюме

М. П. Безенова. Диалектные особенности неличных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке

Статья посвящена описанию особенностей употребления неличных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке. Источниковой базой исследования послужил корпус текстов переводных Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и от Матфея на сарапульском наречиях удмуртского языка, изданных в 1847 г.

Цель работы — выявление и описание специфических черт системы местоимений в анализируемых памятниках в сопоставлении с современными литературными нормами и диалектными данными, включая материалы словаря Ю. Вихманна (1987) и полевые исследования. В статье подробно рассматриваются все разряды неличных местоимений: притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные и определительные. Установлено, что, хотя большинство форм соответствует современным нормам, в текстах встречаются многочисленные отклонения, отражающие как графико-орфографическую вариативность письменных памятников первой половины XIX в., так и живые диалектные черты.

В результате анализа выявлены диалектные особенности, связанные с фонетическим оформлением неличных местоимений (в частности, употребление указательных местоимений *соঁэ, ыঁэ, ёঁэ* ‘такой’, функционирование вопросительно-относительного местоимения *кёঁэ* ‘какой’, наличие вопросительно-относительного местоимения *кин’* ‘кто’ и др.); кроме того, зафиксированы некоторые лексические диалектизмы (*воч, вич* ~ *выч, вочак, вичак* ‘весь, все, всё’). Полученные результаты подтверждают ценность первых печатных Евангелий как источника для реконструкции диалектного ландшафта удмуртского языка первой половины XIX в., а также для изучения истории формирования его литературной нормы.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, морфология удмуртского языка, местоимения, памятники письменности, Евангелия

М. И. Кошелева. Время получения свидетельств и результат: кильдинский саамский инферентивный перфект

Настоящая статья посвящена кильдинскому саамскому инферентивному перфекту. В работе демонстрируется, что инферентивный перфект накладывает требование существования результата ситуации, о которой говорящий делает вывод, во время получения свидетельств или в момент речи. Тип результата зависит от акциональной интерпретации: если ситуация предельна, должен существовать лексически заданный результат, если ситуация непредельна — прагматический. Данные кильдинского саамского языка бросают вызов традиционному взгляду на эвиденциальность, согласно которому лексический аспект не может влиять на поведение эвиденциальных маркеров [Tatevosov 2019].

Вслед за [Fleck 2007], [Smirnova 2013] и [Lee 2013; 2023] на основе кильдинских саамских данных в статье доказывается, что эвиденциальные показатели могут использовать специальную временную точку — время получения свидетельств. Время получения свидетельств является неотъемлемым компонентом семантики кильдинского саамского инферентивного перфекта и его нельзя анализировать в духе [Aregui et al. 2017] с опорой на понятие результативного аспекта. Кроме того, доказывается, что инферентивный перфект ориентирован именно на время получения свидетельств, а не на время инференции: если результат существует только во время инференции, употребление инферентивного перфекта неприемлемо. Таким образом, время получения свидетельств и время инференции следует различать при описании эвиденциальных маркеров конкретных языков. Отстаивается позиция, что для анализа эвиденциальных показателей необходимо расширить систему темпоральных точек [Klein 1994], добавив в нее время получения свидетельств.

Ключевые слова: эвиденциальность, время получения свидетельств, время инференции, лексический аспект, акциональность, результатив, перфект, кильдинский саамский, саамские языки, уральские языки

Е. М. Напольнова. Вторичные значения турецкой лексики *göz* ‘глаз’

Турецкая лексема *göz* ‘глаз’ высокочастотна и одинаково активно используется как для наименования физиологического органа, так и во вторичных значениях в рамках фразеологизмов разного типа. Фразеологизмы с *göz* можно разделить на четыре основные группы. В составе глагольных фразеологизмов первой группы *göz* чаще всего выступает в трёх взаимосвязанных значениях, отражающих основную функцию этого органа — ‘взгляд’, ‘поле зрения’ и ‘точка зрения’, появление которых обусловлено способностью человека изменять направление взгляда и его продолжительность, сознательно или неосознанно выражать различные эмоции через видимое состояние глаз. Вторая группа фразеологизмов относится к важной особенности наивных представлений о функциях отдельных органов и частей тела, зафиксированных в турецком языке, а именно признании за ними высокой степени автономности с точки зрения восприятия действительности, желаний, действий и даже мыслей. В рамках такого подхода за *göz* признаётся способность «автономно» совершать разнообразные, не свойственные этому органу действия (например, кусать, есть, пугаться, принимать решения и др.). В некоторых именных фразеологизмах *göz* выступает непосредственным носителем ряда качеств, описывающих характер человека. В третьей группе фразеологизмов переосмыслению подвергается форма, однако в большинстве случаев это не характерная вытянутая форма самого органа, а форма глазницы — парной и имеющей отверстие полости в черепе, в которой расположено глазное яблоко. Четвёртая группа фразеологизмов связана с номинацией различных водных объектов. Предполагается, что фразеологизмы этой группы могли возникнуть в тюркской среде и укрепить своё положение в языке вследствие контактов с иностранным (персидским) языком. Турецкие фразеологизмы с лексемой *göz* демонстрируют сочетание тюркских и заимствованных из контактных культур представлений о виртуальных функциях глаза.

Ключевые слова: турецкий язык, соматизмы, наивная анатомия, фразеологизмы с лексемой «глаз»

Ю. В. Норманская, Ф. Ш. Нуриева, Г. Р. Галиуллина, А. Ф. Юсупов. Ударение и его возможное влияние на развитие гласных первого слога в словаре «*Tatarica Casanensium*» Иоганна Эберхарда Фишера (1768)

В статье рассматривается система ударения в казанском словнике словаря Й. Э. Фишера «*Tatarica casanensium*» (1768) в сопоставлении с ударением в татарском словнике Г. Ф. Миллера и мишарском словаре епископа Дамаскина, а также ее возможное влияние на развитие гласных первого слога в татарском языке XVIII в. Впервые показано, что в трех словарях зафиксировано разноместное ударение, не характерное для современного татарского языка, причем ударение систематически отмечается не только на последнем, но и на первом слоге в непроемкой исконно тюркской лексике. Оказалось, что в большинстве случаев место ударения в казанском татарском и мишарском совпадает, но есть ряд позиций, где оно различается. Далее с использованием инструментов лингвистической платформы LingvoDoc проведен сопоставительный анализ данных словаря Фишера с материалами современного татарского литературного языка и пратюркской реконструкцией. Установлено, что в некоторых позициях сохранение или изменение пратюркских гласных первого слога коррелирует с местом ударения: в ударной позиции чаще сохраняются пратюркские вокалические характеристики, тогда как в безударной наблюдаются регулярные фонетические переломы. Показано, что процесс поволжского перелома (**o* > *u*, **e* > *i*), как правило, реализуется именно в безударной позиции. Полученные результаты свидетельствуют о неслучайном характере фиксации ударения у Фишера и позволяют рассматривать его словарь как важный источник для реконструкции фонетических процессов в татарском языке XVIII в.

Ключевые слова: лингвистическая платформа, LingvoDoc, Й. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, ударение, фонетика, словарь, диалект, татарский язык

А. Д. Подгорная, А. И. Крюкова. Универсальный заместитель *marâm* в татышлинском говоре удмуртского языка: корпусный анализ

В статье рассмотрены функции слова-заместителя *marâm* в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект, Башкортостан) на материале корпуса устных текстов, записанных в

2019—2025 гг. Проанализировав 556 вхождений этой единицы, мы показываем, что *marâm* совмещает функции препаративной подстановки (вставка на место составляющей, реализация которой отложена), хезитации (сигнализирование общего речевого затруднения), а также неточной номинации ('что-то такое'). Употребления *marâm* в качестве маркера препаративной подстановки, преобладающие в корпусе, размечались по признакам морфологического оформления, синтаксической позиции, наличия отложенной составляющей и ее позиции относительно *marâm*. Заместитель присоединяет именные показатели (падежные, числовые, посессивные) и транскатегориальный компаративный показатель *-ges*, частично или полностью копируя оформление отложенных составляющих. При замещении составляющих с вершиной-глаголом *marâm* используется совместно со спрягаемым легким глаголом *karânâ* 'делать'. Обсуждается проблема отличия употреблений *marâm* в функции препаративной подстановки: с одной стороны — от хезитативных (при отсутствии морфологического оформления единицы), с другой — от использования для неточной номинации (при отсутствии отложенной составляющей в правом контексте). Наблюдаемое совмещение функций позволяет охарактеризовать *marâm* как универсальный заместитель. Такое развитие зафиксировано для заместителей, восходящих к вопросительным местоимениям. Материал татышлинского удмуртского дополняет типологические наблюдения об этой группе единиц.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, заместитель, корпус устной речи, удмуртский язык, филлер

В. В. Тишин. «Песня чатских татар» XVIII в.: опыт реконструкции текста, языка и времени возникновения сюжета

Статья посвящена анализу «песни чатских татар», записанной в августе 1740 г. в Красноярске И. Г. Гmeliном от его переводчика, происходившего из местных тюркских народов. На основе двух вариантов песни, известных в публикации книги И. Г. Гмелина и в бумагах Г. Ф. Миллера, предлагается реконструкция исходного варианта текста и корректировка ее перевода. Некоторые особенности лексики песни типичны не для южносибирских тюркских языков, но скорее для кыпчакских языков волжско-уральского региона, что формально подтверждает идентификацию песни с чатскими татарами. Кроме того, эта идентификация подтверждается рядом фонетических особенностей, в частности передвижением гласных, характерным для татарского языка. Эти явления, однако в песне не регулярны. Другие свойства, напротив, могут быть связаны с языками и диалектами того же типа, к которому относятся диалекты хакаского языка, зафиксированные к XVIII в.; среди них — озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, назализация начального */j/ в позиции перед носовым согласным, развитие увулярного */q/ во фрикативный /χ/, развитие низкого неогубленного гласного /ä/ в средневысокий ненапряженный /i/ в первом слове. На основе разбора лексики и фонетических признаков языка песни следует интерпретировать вариант песни, записанный И. Г. Гmeliном, как адаптированный с течением времени в среде, связанной с кыпчакскими языками Волго-Уральского региона, но восходящий, скорее всего, к среде «красноярских татар» (носителей языка, легшего в основу качинского диалекта хакаского языка) или носителей какого-то близкого исторического диалекта, которые могли иметь непосредственные контакты с бурятами, название которых упоминается в песне.

Ключевые слова: южно-сибирские тюркские языки, кыпчакские языки, хакаские диалекты, историческая фонетика, буряты